

Победа деятельности над трудом бросает нас в новый мир борьбы.

Ясно, что движение полезной деятельности против абстрактного труда не может быть сведено к борьбе за работу в каком-либо узком смысле. Мы увидели, что каждый аспект капиталистического общества структурирован абстрактным трудом. Он сплетает сложную и сложную тюрьму фетишизма, идентичности, часового времени, диморфной сексуальности, отделения от природы и т.д. Абстрактный труд обеспечивает нам мир стабильности, мир фиксированных ориентиров, в котором деньги есть деньги, государство есть государство, женщины есть женщины, а мужчины есть мужчины. Это мир, в котором мы живем, жестокий, деспотичный, фальшивый мир, построенный на лжи идентичности.

Нападать на абстрактный труд — значит нападать на этот стабильный мир, рубить столбы, на которых держится крыша над нашими головами. Нападать на абстрактный труд — значит нападать на мир *так сложилось* и пытаться освободить (заключенный и не заключенный в нем) мир *мы делаем*. Это означает объять головокружительный мир, в котором всё стоит под вопросом, но в таком мире, как говорит Адорно, «головокружение, возникающее по данной причине — это *index veri*» (Адорно, 1966/1990: 33). Это волнующе и пугающе.

Капитализм — это сложное переплетение господства, порождаемое тем, чем структурирована наша деятельность, абстрактным трудом. Это сплетение власти постоянно подвергается нападкам с самых разных сторон. На заводах и в офисах рабочие борются за сокращение рабочего дня, за менее очевидное подпадание своей жизни под власть стоимости. Активисты сексуальной политики борются не только за права женщин или геев, но и ставят под сомнение саму концепцию *женщин и мужчин*. Другие страстно борются за установление иных отношений с растениями и животными, одни борются с бедностью или дискриминацией, другие против войны. В конкретной борьбе всегда есть избыток, переполнение. В борьбе с капитализмом нет ничего необычного: борьба с капитализмом идёт вокруг нас. Во всех этих битвах потенциал *мы делаем* брошен против статус-кво, против мира *так сложилось*. Всех объединяет идея о том, что возможен другой мир, что мы можем остановить уничтожение человечества. Вся эта борьба является антикапиталистической — по крайней мере в том смысле, что она направлена против конкретных аспектов капиталистического общества. Однако общее овеществление социальных отношений часто затрудняет понимание того, что их объединяет. Бунт деятельности создает новую плеяду многих сражений, которые зачастую не осознают себя в составе одного и того же созвездия^[1]. Настаивая здесь на том, что объединяющей нитью является абстракция деятельности в труд, цель состоит не в том, чтобы создать иерархию борьбы, отдать предпочтение одной форме борьбы перед другими, а в том, чтобы углубить трещины, приблизить их друг к другу, способствовать их слиянию. Если ледяной покров, которым является капитализм, трескается с разных сторон, вероятно, нет смысла говорить: "Вы колете лёд не в том месте, давайте колоть его вот здесь". Лучше сказать: "Все эти трещины пытаются сломать один и тот же лед, давайте-ка посмотрим, как мы можем их объединить

путём деятельности и её рефлексирования". Вместо того чтобы указывать всем, с чего им следует начинать борьбу, лучше распознать бесчисленные формы борьбы и искать способы их объединения (не обязательно для того, чтобы объединить их, но для того, чтобы они действовали совместно, чтобы помочь им резонировать)^[2].

То же самое можно сказать в критических терминах. Маркс, как мы видели, настаивал на важности критики *ad hominem*, или генетической критики: понимания явлений путем понимания того, что их порождает, или (и это то же самое) возвращения социальных явлений к «человеку», то есть к организации человеческой деятельности. Таким образом, он неоднократно проводит связь между критикой религии и критикой политической экономии: и бог, и стоимость являются продуктами абстрактного труда, продуктами людей, чья деятельность не находится под их собственным контролем. То же самое можно сказать о мужчине, женщине, природе, часовом времени. Другими словами, в каждом случае мы начинаем с социальной критики, сформулированной в общих (не генетических) терминах — "природа — не вещь", "часы угнетают" — и, переформулируя эти критические замечания генетически («овеществлённая природа и часы — порождения абстрактного труда»), мы обращаем эти критические замечания к общей порождающей силе, которую мы действительно можем изменить: нынешней организации человеческой деятельности в виде абстрактного труда. На полотне льда мы рисуем показывающие взаимосвязь различных трещин линии — пусть даже всего лишь карандашом.

За этой критикой стоит нечто большее, чем интеллектуальная сила: за всей упомянутой борьбой стоит стремление к абстрактному труду, стремление делать что-то по-другому, сила нашей созидательной мощи делать что-то иначе. Наша созидательная мощь в капитализме извращена во власть. Эта капиталистическая власть указывает нам, что делать с нашей жизнью, но она существует не только в виде власти-над, но и как стремление против-и-за-пределы власти-над^[3]. Движущая сила нашей созидательной мощи внутри, против и вне пределов власти-над — это движение деятельности внутри, против и вне абстрактного труда.

Открылся новый мир борьбы. В её основе лежит борьба с трудом, капиталистическим трудом, трудом, производящим капитал. Я пишу этот абзац в конце недели беспорядков в Греции, и в одном из коммюнике, выпущенном студентами, говорится: «В данной исторической ситуации кризиса, ярости и распада институций, в которой мы в итоге оказались, единственное, что может превратить системное дерегулирование в социальную революцию — это полный отказ от труда^[4]». Поворот антикапиталистической борьбы против труда заставляет нас переосмыслить категории борьбы. Мы должны выучить новый язык антикапитализма.

Трудно думать о новом языке как о языке, имеющем грамматику^[5], поскольку грамматика подразумевает правила, а единственное правило языка действий — *нарушать правила*: возможно, нам следует подумать скорее об анти-грамматике или, вернее, о ритмах или мелодиях. Изучение мелодий нового языка — процесс исследования, расспросов, провокаций, дискуссий^[6]. Конечно, именно движение борьбы создает мелодии, но теоретическая рефлексия играет важную роль исключительно потому, что мы находимся в полутени перехода, пытаясь

увидеть наш путь вперёд. Скромное предложение этой книги состоит в том, что центральной осью этих новых мелодий борьбы является бунт деятельности против труда.

Многое из того, что предлагается в этой книге (в частности, критика абстрактного труда), уже было выдвинуто классической критической теорией (теорией Франкфуртской школы), но их критика капитализма исходит из невысказанной точки зрения. Или, скорее, у них были трудности с признанием своей собственной точки зрения. Далёкий от того, чтобы быть голосом привилегированных интеллектуалов (как сказали Адорно и Хоркхаймер о своей собственной работе), их голос — это голос действия, голос сознательной жизнедеятельности, которой ещё не существует, которая существует не сейчас — как предвидение, в трещинах^[7]. Критическая теория — это теория кризиса: теория деятельности как кризиса абстрактного труда.

В центре новых мелодий стоит противоречие: не противоречие между трудом и капиталом, а более глубокий (логически и экзистенциально предшествующий) конфликт между деятельностью и трудом. Это противоречие — живой, пульсирующий социальный антагонизм, постоянная и неизбежная борьба, которая и есть сама жизнь. Противоречие — это борьба: концепции неизбежно являются концептуализацией социального антагонизма, в котором мы живём и мыслим. Вот почему все концепции должны пониматься как открытые концепции, концептуализации открытого, неразрешённого процесса борьбы. Неидентичность — *вот* "бунт деятельности против абстрактного труда", вот "классовая борьба".

В данный момент мы попытаемся продвинуться вперёд в исследовании этих новых мелодий. Все вещи, которые мы рассматривали как измерения абстрактного труда, вступают в игру, но мы сосредоточимся на них не по отдельности, а в контексте трёх тесно взаимосвязанных главнейших тем: особенности, субъективности и времени.

1. О понятии созвездия см. Tischler (2009), Adorno (1966/1990) и Benjamin (1940/1969). [↗](#)
2. См. важный вывод Zibechi (2008: 56): «В свете основных социальных столкновений за последние 15 лет... мы можем сказать, что *мы не знаем, как создаётся и обобщается движение*». И, добавляет он, «"Организовать восстание" — это противоречие». [↗](#)
3. По этому поводу см. Holloway (2002/2005: особенно гл. 3). [↗](#)
4. Анализ греческих беспорядков см. у Memos (2009), Stavridis (2009). [↗](#)
5. В этом я отличаюсь от Вирно: см. его книгу «Грамматика множества» (2004). [↗](#)
6. Интересное и творческое исследование новых мелодий см. у Salinari (2007). Для обсуждения возникающей эпистемологии Другой Кампании см. Gómez Carpinheiro (2009). [↗](#)
7. Как только мы понимаем критическую теорию как голос деятельности и, следовательно, как ось критической теории, давняя проблема соотношения теории и практики (столь

мучительная в случае Адорно, например) начинает разрешаться сама собой. По этому вопросу см. эссе в Holloway, Matamoros and Tischler (2009), а также Schwarzböck (2008).